

ЕВА
КОФЕЙ

Наложница
с ПРИЦЕПОМ
ДЛЯ ГЕНЕРАЛА
ДРАКОНА

Ева Кофей

Наложница с прицепом для Генерала-Дракона

<https://litres.ru/74214062>

Аннотация

Попала в другой мир вместе с маленькой дочкой! Попаданок здесь продают знатым господам в качестве экзотических невольниц. И я не избежала этой участи - как трофей меня подарили грозному генералу, да ещё и дракону. Он хочет, чтобы я жила в его замке в качестве наложницы и только на таких условиях позволяет оставить дочку. Ради неё я готова на всё, пусть перспектива наводить уют в его замке мне нравится гораздо больше, чем греть его постель. Но, может быть, дракон со временем увидит во мне нечто большее, чем экзотическую игрушку?

Деятельная героиня с очаровательной дочкой, которая даже не имеет ничего против драконов. Обаятельный герой - великий генерал и могущественный дракон, нуждающийся в заботе и тепле. Элементы быта. Симпатия и уважение (довольно) быстро и (почти) без исключений. Тёплая сказка.

♥#♥#Вторая серия:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

— Мамочка, пожалуйста, помоги! Мамочка...

Пелагея кричит, когда бывший муж в пьяном угаре пытается взять её на руки и куда-то утащить. Как и я, она боится его в таком состоянии и даже будто бы не узнаёт. Глеб мерзко улюлюкает и кричит, чтобы дочка перестала трепыхаться.

Она не должна видеть своего отца таким. Из-за подобных выходов мне бы хотелось, чтобы она его не видела вообще.

После развода я осталась совсем одна с дочкой. Любимая моя Пелагея часто болеет, оттого не посещает детский сад по месяцу. Мне приходится оставлять её с соседкой и отдавать той часть зарплаты. Мне хотелось бы постоянно быть рядом с дочкой, может быть, тогда она и болела бы реже, но две работы и ещё кучу подработок никто не отменял. У меня нет родственников, а друзья не могут ничем помочь.

Я вернулась с тяжёлой ночной смены, а в квартире своей вместо соседки обнаружила это свиное рыло под названием бывший муж.

Галя зачем-то впустила его и ушла. Сердце кровью обливается от того, какого страху могла успеть натерпеться моя девочка. Этот гад, наверное, поднял её с кровати и стал спрашивать, как мы с ней живём и не вожу ли я в дом кого-нибудь.

Такое уже было... И от осознания того, что я снова это допустила, что выходки отца ещё на долгие годы отложатся в памяти Пелагеи... осознание этого просто добивает меня.

Отбиваясь от человека, которого когда-то любила, а теперь иначе, чем выродком, назвать не могу, я всё-таки выхватываю дочку и опускаю её на пол.

— Беги быстрее в прихожую и обувайся!

— Мама! — она плачет.

— Мама сейчас придёт тоже! Давай быстрее!

Моя умница, хоть и напугана, а всё понимает и бежит делать то, что я говорю.

— Варь... Ну, чё ты, а? Новый год же! А ты, как неродная... Дочку мне не даёшь... Разве так делается...

Новый год, ага... был две недели назад. Но у него каждый день — праздник. Глеб не пил, когда мы познакомились. Выпивал иногда, когда поженились. А потом... с каждым годом становилось всё хуже и хуже. И никакие кодировки не помогали. Да и сколько можно было его пытаться спасти? После трёх лет брака я подала на развод.

Для меня теперь есть только Пелагея. И я сделаю всё, чтобы она ни в чём не нуждалась и не росла бок о бок вот с такими вот личностями.

Я уже почти собрала нужную сумму на переезд. Нужно только найти заранее работу в новом городе, всё грамотно устроить. И тогда весь этот кошмар закончится.

Я толкаю Глеба в спальню, он, огромный мужик, пусть там

сейчас вместо мышц один жир, страшно хохочет и даже успевает отпустить пару сальных шуток, прежде чем мне удаётся повалить его на кровать.

Он не успевает опомниться, а я уже выбегаю в коридор и замыкаю дверь. Надолго его это не сдержит. Если только кабан сам не уснёт, изгваздав моё и без того застиранное до дыр постельное бельё.

И суд был, и все запреты ему выдали, а всё равно... Рвётся сюда в пьяном бреду, а потом отговаривается тем, что ничего не помнит и вообще болен — что с него взять.

Я подбегаю к Пелагеше, целую её в щёчки, приговаривая: — Ничего, моя хорошая... Мама уже дома. Мама с тобой. Он не обижал тебя? Всё хорошо... Сейчас мы пойдём прогуляемся. Хочешь с мамой прогуляться?

— Д-да... Будем лепить из снега? Но там же холодно...

— Ничего-ничего, а мы тепло оденемся...

Сегодня мне не везёт, Глеба не сморил сон, он долбится в дверь и вот-вот её выломает... Пелагея уже обулась и даже надела шапку, моя золотая девочка. Я, гонимая страхом, надевая на неё кофту, спешно застёгиваю, укусив собачкой за подбородок и, заставив дочь всхлипнуть, затем, извиняясь, протягиваю ей тёплую куртку.

— Прости, зайка. Вот, надевай. Маме тоже нужно... Я успеваю только застегнуть сапоги, которые уже начала расстёгивать, когда только зашла. До куртки не успеваю дотянуться, поскольку слышу грохот в спальне. Хватаю сумочку

и прямо в джинсах и свитере выбегаю из квартиры, хлопнув дверь.

Время — восемь утра. У меня была дневная смена на рынке, потом ночная в магазине — делала ревизию. Оттого, что долго не спала, плохо чувствую своё тело, но зато не сразу до меня доходит холод. Да и спать совсем не хочется из-за страха.

Мало ли что ему в голову его больную придёт? У него, наверное, белая горячка...

Пить он начал из-за любовницы, замужней женщины, которая ему все нервы истрепала. А потом, когда бросила, Глеб и вовсе стал сходить с ума.

Узнала я это всё, конечно, уже гораздо позже.

И какого мне было это узнать? Той, кто работала не покладая рук ради семьи, родила ему чудесную дочку, обслуживала — и его самого и дом. Больно — не то слово.

Но всё это уже давно пережито и перемолото.

У меня есть Пелагея. Она смысл моей жизни. Моё сокровище.

Конечно, она достойна лучшей жизни, лучшей матери. А я, как не быюсь, не могу ей стать... И даже сейчас вместо того чтобы злиться на бывшего мужа, злюсь на себя. Ну, как же так? Почему до сих пор не переехала? Почему всё вот так у меня наперекосяк?

Я выбегаю из дома с Пелагешей на руках, бегу по направлению к соседнему дому. Замечаю, что там пока открыта

дверь — кто-то выносит старый телевизор и тумбы. Забегаю туда и поднимаюсь на лифте на верхний этаж, надеясь там перевести дух.

— Папа нас здесь не найдёт? — интересуется дочка. Она уже не выглядит такой напуганной. И я стараюсь следовать её примеру.

— А что нам папа, зайка моя? Он дома сидит. Он, знаешь, как мишка. Сейчас же зима. Вот он и искал себе берлогу, чтобы поспать.

— И подумал, что наш дом — это его берлога? Глупый медведь, получается.

— Получается. Ну, ничего. Мама сейчас позвонит охотникам, они его...

Она пугается:

— Застрелят? Не надо, мамочка!

Я смеюсь, стараясь всем своим видом излучать спокойствие.

— Нет, просто проведут в другую берлогу. Чтобы он нам не мешал. Хорошо? А мы пока погуляем, зайдём в кафе, хочешь? Куплю тебе горячий шоколад. И пирожное.

— Правда?

— Конечно... Но только надо сначала нормальной еды поесть. Сырники или хотя бы блинчики с творогом. Знаю, где их продают. Договорились?

— Ладно, — Пелагеша кивает. Я же дрожащими пальцами набираю нашего участкового. Дочка вдруг спохватывается:

— Ну, ты же без куртки, мамочка...

Да уж... Докатилась. Становится неприятно от того, как это всё выглядит. Ещё и с ребёнком. Хотя, почему выглядит? Так ведь всё и есть на самом деле. Непутёвая мамаша и бедная девочка, которая из-за неё страдает.

— Ничего, зайка. Мне так лучше. И совсем не холодно.

Я дозваниваюсь, наш разговор выходит коротким. Владимир Олегович обещает приехать в течение часа.

Кафе тут недалеко, я думаю переждать там. Только страшно, что Глеб может нас перехватить. Но в этот район я переехала недавно, он будет плохо ориентироваться, ещё и в таком состоянии.

Уже собираясь зайти в лифт, я замечаю, что дверь напротив приоткрыта, и из-за щели на нас смотрит высокая, сухая старуха с только отчасти седыми волосами. А в остальном они такие же чёрные, как у меня. На лицо ей лет девяносто, но рост под это не подходит. Я даже пугаюсь, потому что в коридоре её квартиры не включён свет, и из-за теней она выглядит особенно злобещей.

— С мужем борешься? — заговаривает она в тот момент, когда я ещё надеюсь улизнуть.

Глава 2

Она приоткрывает дверь и выступает на шаг вперёд. Где-то метр восемьдесят, в длинной ночнушке цвета слоновой кости. И не боится простудиться? Всё-таки январь, в подъезде не так уж и тепло.

— Мамочка... это же Баба-Яга... — шепчет Пелагея.

Глеб в своё время любил её пугать разными сказочными персонажами, и хоть я сама о них не упоминаю, она до сих пор помнит и боится всяких серых волчков, Кашеев и да... Бабу-Ягу.

— Нет, — вполне серьёзно отвечает старуха, — не она. Совсем другая степь... Так что же ты не отвечаешь, когда с тобой говорят?

Мурашки бегут по телу. Я, крепко стиснув руку Пелагеи, всё-таки киваю:

— С бывшим мужем. Но уже всё в порядке. Простите, если я напугала вас. Мы уже уходим.

Она выгибает тонкую бровь:

— Вот так пойдёшь?

— Да... Тут кафе рядом, да и вообще... Не беспокойтесь. И не подумайте ничего. У нас нечасто это.

Наверное, сейчас из-за того, что так сильно устала, я особенно остро чувствую стыд из-за того, как выгляжу, в какое

положение попала.

Скорее бы переехать. Я хочу из Сибири в Краснодарский край. Там, может, моя крошка задышит по-новому. И все эти ужасы останутся в таком далёком прошлом, что покажутся даже не старым кошмаром, а лишь его дымкой.

— Ясно... — тянет она.

Есть что-то в ней такое властное и по-особенному притягательное, что я не могу просто взять и уйти. Она сама отходит куда-то, но дверь не закрывает, давая понять, что разговор не окончен. И я стою, будто бы подверженная каким-то странным чарам. Причём дочка так же с интересом рассматривает дверной проём и молчит. А это ей не очень-то свойственно.

Кажется, что одновременно прошла и всего секунда и целый час.

Старуха выходит к нам вместе с норковой шубой. Когда-то такое считалось роскошью. Сейчас, конечно, мода сильно изменилась и мех животных в принципе перестал быть в почёте. Но дух всё равно захватывает от возникшей у меня догадки.

— Нет... Что вы... Зачем это?

И вправду — она протягивает шубу мне.

— Бери, бери... Что ты будешь раздетая ходить? Хочешь, чтобы девочку у тебя забрали? Или заболеть хочешь? Сляжешь если — кто о ней позаботится?

Эта мысль и вправду отрезвляет меня. Болеть ни в коем

случае нельзя. У меня просто нет на это права. Я принимаю шубу, рассыпаясь в благодарностях.

— Я живу в доме напротив. Я вам сегодня же её верну. В этот же час...

— Ну да, — вдруг склается старуха, заставляя меня вместе с Пелагеей отступить на шаг. — Конечно.

Я ещё благодарю её, когда захожу в лифт и нажимаю на кнопку первого этажа.

— Надевай скорее! — кричит она мне вслед.

И в голосе её что-то вроде предвкушения.

— А красивая шуба, мама... — говорит Пелагеша.

— Пожалуй, — улыбаюсь я.

А самой почему-то хочется разрыдаться. Но я никогда не позволяю себе выглядеть расстроенной при дочке. Мама — это всегда безопасная зона. У неё нет своей жизни, ей не может быть плохо, она защищает, она всегда готова помочь. Я верю в то, что это правильно, а потому буквально заставляю себя не раскисать и всё с той же улыбкой надеваю шубу.

В лифте есть зеркало. А мне правда ведь идёт... Если бы ещё длинные чёрные волосы не были собраны в растрёпанный хвост, а лицо было бы свежим...

Я поднимаю Пелагею на руки и заворачиваю в шубу. Моя радость пошла в отца — глаза у неё голубые, а волосы светлые. Только чертами лица в меня. Мой носик у неё, мой подбородок. Ну или мне хочется так думать, хочется высматривать в любимом ребёнке свои черты.

Так мы с ней и выходим.

Я не просто так спрятала дочку под шубой. Надеюсь, что если где-то тут бродит Глеб и увидит мою фигуру издали, то не подумает, что это я. Видно же — дама какая-то. С объёмом на груди и животе, ни в коем случае не лишнем, а милым и пятилетним.

В таком виде я делаю неверный шаг мимо свежей протоптанной дорожки и проваливаюсь в сугроб. Боже, ну и намело, когда только успело! Я не сразу замечаю, что продолжаю проваливаться. И вскоре от страха даже начинаю кричать.

Снег засасывает меня и дочь.

Мне не холодно и не больно. Просто очень страшно. Чувство такое, что то ли сердце во мне перевернулось несколько раз, то ли мир вокруг перевернулся с ног на голову... Но вскоре я понимаю, что прошла всего лишь секунда, и никуда я не провалилась, просто каким-то образом начала спать на ходу.

Правда, мысли эти имеют смысл, только пока я не поднимаю голову.

Вокруг из неоткуда поднимается снежная буря. Я больше не вижу пятиэтажек, снеговиков, качели и всё прочее.

Теперь даже пахнет всё иначе.

— Что же это такое...

— Мама... — всхлипывает Пелагея. — Мама, всё вокруг пропало. И мы упали в снег! И провалились!

— Всё хорошо, — повторяю я. — Сейчас мы забежим под

навес. Не переживай, моя хорошая...

Я двигаюсь вперёд, но вокруг ничего не меняется, пока я не начинаю слышать ржание лошади и чей-то выкрик. Тут-то я, покрепче обняв дочку, кричу изо всех сил:

— Помогите! Я здесь! Я потерялась! Я здесь!

Понимаю, что в такой буре на меня легко не обратить внимание, поэтому кричу изо всех сил. И вскоре слышу, как кто-то приближается... И чудом нас не давит!

Это большие сани, запряжённые двумя конями. Они ржут, заставляя дочку испугаться и прижаться ко мне сильнее.

— Где ты? А, всё! Залезай давай! Чья будешь-то?

Мужчина тут же начинает суетиться, подаёт руку, помогает забраться. Мне плохо его видно.

— Что произошло? — игнорируя все вопросы, спрашиваю я.

— А что? Погода, вишь, недовольна из-за того, кто к нам пожаловал... Чтоб пусто было этому генералу.

— Генералу?

— Да, змею этому... Дракону проклятому! Разбил войска наши, теперь победитель. Может в любую деревню заявляться и что хочет требовать. А иначе новый император казнит. Так и дочку мою уволокёт... Эх...

Он ещё причитает, а я молчу в ответ.

Боюсь, что впаду в истерику, если стану вслушиваться. Выберемся из этой жуткой пурги, тогда-то я всё и выясню. И лучше у кого-нибудь другого.

Из его рассказней только вылавливаю:

— А я понял, кто ты. По одежде-то. Давненько-то вас не было в наших краях.

Что понял по одежде? И как только умудрился что-то рассмотреть?

— Попаданка, значит. Это боги мне тебя послали, чтобы умаслить генерала. Смазливая, надеюсь?

Он будто всматривается в меня сквозь снегопад несколько секунд, а затем хлопает в ладоши и выкрикивает:

— Отлично!

Глава 3

Ничего не понимаю... И что это всё значит?

Разумеется, я не кидаюсь прямо в сани что-то выяснять или возмущаться. Опасаюсь напугать свою малышку. Она должна видеть, что её мама уверена в том, что всё будет хорошо.

— Кажется... — заявляет Пелагея, уткнувшись мне в шею, — мы попали в другой мир.

Я крепче укутываю её.

— Думаешь? Как ты это поняла?

У моей дочери очень хорошее воображение. Она всегда мыслит интересными образами, у неё многогранные фантазии. И я стараюсь не загубить в ней этот талант, а наоборот поддерживать его. Может быть, она в будущем будет писать сценарии фантастических фильмов или рисовать необычные картины.

— Ведьма, — шепчет Пелагеша, — это она нас сюда отправила.

— Та старушка? — Впрочем, кого я обманываю? На «старушку» она была похожа меньше всего. — И как же?

Я машинально задаю дочери вопросы, чтобы заговорить её, а сама с ужасом осознаю, насколько на самом деле странно всё то, что сейчас происходит. Падение в сугроб, вмиг поднявшаяся буря, а самое главное — сани, запряжённые ко-

нями. Я такое только в фильмах видела. Откуда этому мужичку, рассуждающему о драконах, появится в нашем дворе?

— С помощью шубы, — просто отвечает доченька. Так просто, будто это я дурочка, что сразу не догадалась. — Мне кажется, что так. Это волшебная шуба. Как... волшебная шуба.

Я усмехаюсь и целую её в макушку.

— Ну что ж... Я как раз собиралась переезжать. Надеюсь, здесь не всегда так холодно.

— А мне нравится! Снег очень красивый...

— Ну тогда, может быть, и останемся...

С каждым мгновением мне становится всё страшнее. Вдали сквозь поредевший снегопад горят огни. Мне кажется, что это деревня. Низенькие деревянные домики, каждое окошко согрето светом, уютно... Конечно же, такого места нет в нашем городе. По крайней мере, рядом с тем районом, где я сняла квартиру.

— Да ты только не истери, ладно? А то знавал я одну... Давно это, конечно, было, — мужчина обращается ко мне, я волей неволей его слушаю. — Конечно, давно это было. Лет уже двадцать пять назад. Как время летит... Видел, в красном платье, значит, с открытой спиной, стыд-то какой, кричала тут, требовала штуку какую-то... не помню, как называется. И такая крикливая была, что продали её по дешёвке одному вельможе. Так он её и прибил скоро.

— Мама... страшно... — шепчет Пелагея.

— А ты не слушай его. Это же шутка просто, — отвечаю так же тихонько. — Тем более мать твоя совсем не крикливая. Правда же?

— Ну да. И без платья.

Я киваю машинально, а мужик продолжает:

— Да вельможи эти они такие... Извращенцы, — с явным наслаждением тянет он. — А генерал... Конечно, строгий, грозный. Но ты умнее будь, ласковее. Не спорь никогда, а то вы это умеете. Никто у вас женщин-то и не воспитывает... Все, про кого слышал... Ой... — он плюётся. — А шубка у тебя всё-таки хорошая. А ты как, в теле? Надо, чтобы в теле, но не сильно!

Пелагешу он ещё не заметил. Даже не знаю, что делать. На всякий случай я спешно запахиваюсь и лучше её прикрываю.

— Дочка, солнце, — шепчу ей на ухо, — пока сиди тихо, прячься. Пусть тебя видно не будет.

— Но почему?

— Потом расскажу. Ты не бойся. Просто сиди тихонько.

Рука у меня одна под шубой, чтобы держать дочку, другая в рукаве, чтобы опираться и не упасть с саней. Но надолго Пелагею я так не укрою, конечно.

Страшно...

Надеюсь лишь, что это сон. Что я всё-таки каким-то образом заснула на улице. Напугала свою девочку, наверное, какой ужас... Но люди добрые обратят внимание, растолкают

меня, станут отчитывать.

Лучше так, чем правда оказаться в другом мире.

Хотя... смотря какой мир, конечно.

Мы подъезжаем к деревне, проезжаем мимо массивных деревянных ворот, на которых висят красивые резные фонари. Снег перестаёт, на небе уже видны звёзды. Всё пахнет иначе, всё вокруг кажется чужим, хотя и нет ничего особенно-необычного. Но уже сейчас, ещё сидя в санях, я чувствую себя ужасно одинокой и чужой.

Зато Пелагеше хоть бы хны. Она спокойно и послушно ждёт, когда я позволю ей осмотреться.

Но надеяться на это долго нельзя. Всё-таки она ребёнок, ей захочется посмотреть, что происходит. А если не захочется, она задремлет, и когда проснётся может забыться и попытаться выбраться...

Я допускаю, что меня правда захотят кому-то там отдать. И если я не смогу сбежать или ещё что, если ещё и дочку заметят, то... Я не знаю, что с ней будет.

Теснее прижимаю её к себе, а она вдруг шепчет:

— Мамочка... всё хорошо будет.

— Да, солнышко. Конечно. Только потише будь.

А вот и первая странность. Её мне даже сам мужик пояснил. Дома здесь расположены по кругу, между каждым что-то вроде широкой дороги, по которой сани и проезжали. В центре огромный двухэтажный дом из брусьев деревьев. Внутри люди шумят, наверное, это здание для собраний или

местный клуб.

Дальше по сторонам света стоят дома поменьше, следующих уже восемь, потом, наверное, шестнадцать. Но так выходит, что ничего и нет кроме домов — ни сарая, ни огорода. Я никогда не видела таких деревень, поэтому почти поверила в предположение дочери.

— Ну что, — мужик оказывается невысоким, на лицо лет пятидесяти с густой серо-чёрной бородой, он спрыгивает на землю, подходит ко мне и снова обводит взглядом. — Ну хороша, конечно, сказать нечего...

У него даже глаза начинают гореть — ну точно при виде товара, который можно выгодно перепродать.

— Смотрю, даже не надо тебя и переодевать, и мыть. Прямо так и поведу. Генерал-то сейчас туточки. Пока не испортил девок ещё... Ну это я надеюсь, что так. Идём.

Он открывает дверцу сбоку. Даже не думала, что она вообще есть.

С ребёнком в неудобной шубе бежать смысла нет. Тем более что эта деревня сверху выглядит как огромный круг из домов. В каждом кто-то находится, кто-то сидит на крылечке. Я видела, дымила толпа парней. А я в самом центре нахожусь. Лучше не пугать ребёнка зря. Но как же хочется сбежать...

Покрепче обнимаю её под шубой и спускаюсь.

Мы поднимаемся по деревянной лестнице, уже у двери мужик меня останавливает и спрашивает:

— Так а ты точно попаданка?

Я, конечно же, отвечаю:

— Нет. Просто заблудилась.

Он ведёт пальцем у моего лица, мол, нехорошо это.

— Врёшь! Ну вот и славно... Я, знаешь, тоже своего рода маг... Меня не проведёшь.

Попаданка — это вроде как та, которая попала в другой мир? Как в «Десятом королевстве»? Тогда, наверное, да...

В любом случае никто не даёт мне ничего обдумать и понять — мужик заталкивает меня в дверной проём.

Тут в большой комнате стоит кедр. Довольно большое для самой комнаты дерево, украшенное гирляндами из шишек, орехов и какой-то выпечки. Люди вокруг пляшут под странноватую тихую музыку. На инструменте, чем-то напоминающим арфу, играет какой-то парень. К стенам, что странно, придвинул длинные столы с разной едой. Стульев нет, все видимо должны есть, развлекаясь вокруг кедра.

При виде меня музыка стихает и люди следуют её примеру.

Я дрожу, как промокший осиновый листок. Ничего не могу с собой поделать.

Напротив меня в центре комнаты в единственном кресле сидит мужчина в кителе и с длинными иссиня-чёрными волосами. От его взгляда, пронзительного и холодного, я вздрагиваю.

— Это кто? — голос прокатывается по комнате, словно

пузырёк с ядом.

Мужик, что меня привёз, вытягивается, словно по команде, выходит вперёд и объявляет:

— Попаданка — специально для вас. В качестве трофея от нашего мирного поселения!

Генерал ухмыляется.

И склоняет голову, окидывая меня взглядом.

— Пусть снимет это. Хочу открыть свой... подарок.

Глава 4

Опешив, я крепче прижимаю Пелагею под шубой и отступаю на шаг. Вот только некуда бежать. К двери тут же подошёл один из мужиков на этом празднике жизни, позади стена.

— Мама... — шепчет дочка встревожившись.

— Всё хорошо, — торопливо шепчу я ей, а вот остальным кричу: — Это ошибка! Никакая я не попаданка! Отпустите, меня дома ждут... И муж... имеется.

Просто не знаю, что конкретно их убедит. А что покажется смешным и только подтверждающим, что я не из этого мира.

В последнее сама почти поверила. Вариантов тут не особо много.

Хотела, называется, переехать...

Генерал смеётся. И смех его отчасти похож на рокот. Густой и тёмный. Совсем не такими я представляла военных, это какой-то тёмный властелин... Меня передёргивает.

— И из каких же ты угодьев? Чья такая?

— Да есть тут, — отвечаю сразу же, прекрасно понимая, что мне никто и не думает верить, — за лесом место...

Отступила бы ещё подальше, да некуда. А генерал тем временем поднимается, и от грозной энергии, что от него ис-

ходит, у меня даже начинает кружиться голова. Он оказывается очень высоким и мускулистым мужчиной. Это заметно даже под несколькими слоями одежды. Такой, одной рукой схватив за талию, без усилий сломает ребро...

— Да нет тут никакой деревни поблизости... Да вы и сами знаете, мастер Варден.

Генерал подходит ко мне. У него синие-синие глаза. Холодный, даже будто бы злой взгляд. Красивый орлиный нос, тонкие бледные губы. Он кривит их и спрашивает:

— Что ты там прячешь? Не хочешь показать мне?

— Нечего показывать. Отойдите от меня.

Это вновь его смешит. Глаза вдруг веселеют. Но это вовсе не обнадеживает. Он тянет ко мне свои загнувшиеся руки, хочет сорвать проклятую шубу. Я вжимаюсь в стену, обнимая себя двумя руками, пока Пелагея сама не показывается из отделанного мехом ворота.

— Что... — шепчет она, — вы делаете?

Генерала словно холодной водой окатывает. Он ошалело моргает, да так, что меня пробирает на нервный смех.

Шапку моя девочка сняла, золотистые локоны растрепались, вид у неё будто бы заспанный, но ей больше не страшно. Хотя бы на её месте была далеко не такой спокойной.

— Хотел посмотреть... Видимо, на тебя.

— Посмотрели? — спрашивает дочь. — Зачем маму трогаете?

— Маму, значит? — он переводит взгляд на меня и ухмы-

ляется. — А вы совсем не похожи.

Тут уже нет смысла притворяться, я готова ему в ноги кинуться, лишь бы не тронул дочку, лишь бы позволил мне остаться рядом с ней.

— Отпустите... пожалуйста. У меня ребёнок, я...

— Тихо, — он отходит от нас и обращается уже к мужику, что меня привёл. — Такой, значит, трофей ты мне преподнёс? Вот это, — он явно говорит о моей дочери, да так, будто и не было недавно в его глазах доброго любопытства.

Тот на мгновение теряется, отвечает не сразу. Но потом даже будто бы осмеливается злиться.

— Мастер Варден... Попаданки ведь — большая редкость. Тут не до того, чтобы выбирать невинную или с дитём. Так они и появились в наших угодьях вместе. Я её под шубой то не разглядел. Девчонка мелкая совсем. Что вам? Забудьте о ней... Мы её себе оставим, хотите?

Он вновь переводит на меня взгляд, будто бы решает, что со мной теперь делать.

— Разумеется, — чеканит, — девчонка мне не нужна. Можете её перепродать, если сможете доказать, что она попаданка тоже. А то по ней не видно. Я этим заниматься не собираюсь. Ну что застыли? — кричит раздражённо. — Продолжай играть! — это уже парню со странным инструментом.

Разлучить меня с дочкой? Продать её?

Я только крепче обнимаю Пелагею, не собираясь её отпустить.

— Мама тебя защитит, не бойся... Не бойся...

Мужик принимается стаскивать с меня шубу, чтобы забрать малышку. У меня выходит отвесить ему затрещину. Игрет музыка, нарочито лёгкая и весёлая, у кого-то эта картина вызывает смех. Мужик кричит другим парням, чтобы помогли, мне становится совсем страшно.

Генерал наблюдает за всем этим безучастно.

Я понимаю, что в этой комнате только от него зависит моя судьба. Поэтому, чудом вырвавшись из кольца окруживших меня парней, которые не ожидали, что я побегу в сторону так называемого дракона, кидаюсь на него, вцепляюсь в китель, заглядываю в глаза.

У меня рост метр семьдесят два, но рядом с ним чувствую себя совсем уж маленькой, хрупкой и беззащитной.

— Пожалуйста... — умоляю его. — Оставьте мне дочку. И тогда я сделаю всё, что от меня будет нужно. Не буду доставлять вам никаких неудобств...

Генерал усмехается холодно.

— Ты и так будешь делать всё, что я тебе прикажу.

— Нет! — мой крик перекрывает музыку и голоса толпы.
— Нет! Я не буду жить без неё... И вы ничего не получите!

Он несколько мгновений не отводит от меня взгляд, словно пытается прочитать в глазах, действительно ли я способна на то, о чём говорю.

И, в конце концов, смеётся. А когда мне уже кажется, что меня убьют за дерзость, он касается жёсткими пальцами мое-

го подбородка, приподнимает лицо и собирается поцеловать в губы.

Но я отшатываюсь.

— Ты сказала, что будешь послушной.

— Если дочь останется со мной. Если вы, мастер Варден,

— даже не знаю, как запомнила, — дадите мне слово.

— Слово? — выгибает он бровь. — Тебе?

— А кому ещё?

Он ещё раз окидывает меня взглядом и кивает.

— Даю слово. В моём замке, так уж и быть, и для ещё одного рта найдётся место.

— Хорошо, — киваю я. — А теперь отпустите.

— У нас был уговор, — настаивает он.

На что я отвечаю искренни:

— Но не при ребёнке же!

Он вновь недоумённо моргает, словно когда впервые увидел мою дочь. И затем отпускает меня.

— Лувис, — обращается к тому мужчине, что привёз меня, — давай, накорми их, дай нормальную одежду. Они теперь принадлежат мне и должны выглядеть соответственно.

— Конечно, мастер. А что насчёт вашего приказа? Привезти попаданку в ваши покои? Вы ведь предпочтёте её, не созывать наших девушек?

Генерал бросает на меня взгляд. Я не могу скрыть своего страха и отвращения. Это явно ему не нравится.

— Она ведь моя, я всегда успею... Так что распорядись,

чтобы для них подготовили комнату. Нужно на одну ночь. Завтра мы уезжаем. А для меня и моих ребят приведи самых красивых... Мы уж как-нибудь разберёмся.

Кажется, план Лувиса провалился.

Какая-то женщина вызывается устроить меня с Пелагешей. Я крепко-крепко обнимаю дочь, а саму трясёт. Пронесло... Но только в эту ночь.

Глава 5

Нас выводят на улицу. Мороз щиплет за щёки и нос. К полной женщине, что идёт с нами, присоединяется ещё одна высокая и худая. Обеим лет по сорок, обе с каким-то тяжёлым настроением. Та, что выше, вцепляется в меня и буквально заталкивает в один из домов, что окружают большое здание, где проходило пиршество.

— Мама, тот мужчина... он тоже медведь?

— Что?

— Ну... как папа...

Мы оказываемся в довольно уютной деревянной избе. Большая печь, разукрашенная красными и оранжевыми узорами источает тепло. На ней пытит несколько глиняных кастрюль. На полу рядом что-то вроде матраса. Похоже на большой плоский мешок, утрамбованный сеном. Рядом скамья, на ней ведро с водой, лохань и ковш. Рядом с окном стоят сундуки. Везде много плетёных и вязаных мелких вещей, что придают этому нехитрому месту уют.

Я отпускаю дочку на пол, но ответить ей не успеваю. Полная женщина машет руками:

— Да какой он медведь... Дракон — он и есть дракон. Оборотень. Страшный человек был бы, если бы был человеком.

— Не надо, — я выпрямляюсь и снимаю с себя шубу, — говорить, какой он плохой. Это наш господин.

Женщины заметно удивляются.

Дело, конечно же, не в том, что я испытываю к Вардену симпатию. Если иного выхода не будет, если всё же придётся уехать с ним, принадлежать ему, пусть дочка не слышит о нём всякие гадости, не пугается заранее.

Я даже про её отца особо ничего плохого старалась не говорить. Мои обиды, это только мои обиды, а Пелагеша тут совершенно ни при чём.

— Если он так нравится тебе, — кривится высокая женщина, — отчего с ним не пошла? Глядишь, и моей дочери не пришлось бы терпеть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.